С. З. Иткулов

Ивановская ГСХА имени Д. К. Беляева, г. Иваново, Российская Федерация

**Специфика когнитивного сознания субъекта-логоцентрика
в нонсенс-поэзии XIX века
(на примере текстов Козьмы Пруткова и Эдварда Лира)**

В статье на материале текстов нонсенс-поэзии в рамках оригинальной авторской методологии впервые проанализирован совокупный когнитивный опыт нонсенс-поэтов в рамках существования особой логоцентрической модели синтетической языковой личности. Также исследуются особенности когнитивного сознания логоцентрического типа. Разнообразие исходного материала обуславливает применение герменевтической методологии, решающей проблему совмещения в понимании текста объективности сообщаемого и субъективности сообщающего, а также метода сопоставительного анализа, что позволяет описывать изучаемые явления с точки зрения единства смыслообразующих аспектов.

Высказывается мнение о формировании в этом сознании некоего «когнитивного блока», который заставляет нас вновь и вновь возвращаться к разрешению противоречия. В момент формирования «когнитивного блока» когнитивное движение к цели прерывается, так как сама цель теряет устойчивость и распадается на бесконечные копии, поэтому продолжение движения возможно только после преодоления «когнитивного блока».

Делается вывод о том, что сознание субъекта-логоцентрика в пространстве нонсенс-поэзии XIX века подвергается ярко выраженной дестабилизации в силу возникновения в последнем когнитивного блока. Суть данного явления состоит в том, что субъект-логоцентрик не в состоянии подавить собственное стремление к неупорядоченности. В то же время субъект-логоцентрик не в силах преодолеть это стремление окончательно, так как эта сила сознания не менее существенна, чем противостоящее ей стремление к упорядоченности. Выходом из подобного противоречия может быть либо вовлечение разупорядочивающей силы в непрерывную игру, либо разупорядоченность субъективного сознания и объективной реальности, вследствие чего иррациональная среда может поглотить сознательное творчество.

Результаты данной работы могут быть использованы в рамках литературоведческих, культурологических, социокогнитивных исследований, посвященных изучению культуры и произведений нонсенса.

Ключевые слова: когнитивно-прагматическая программа (КПП), субъект-логоцентрик, нонсенс-поэзия, безумие, сознание, когнитивный блок.

S. Z. Itkulov

D. K. Belyaev Ivanovo State agricultural Academy, Ivanovo, the Russian Federation

Specifics of the Cognitive Consciousness of the Logocentric Subject in the Nonsense Poetry of the 19th Century (as Exemplified in the Texts of Kozma Prutkov and Edward Lear)

The article uses the material of the texts of nonsense poetry in the framework of the original author's methodology to analyze for the first time the total cognitive experience of nonsense poets within the framework of the existence of a special logocentric model of a synthetic language personality. The features of cognitive consciousness of the logocentric type are also investigated. The diversity of the source material determines the use of hermeneutical methodology, which solves the problem of combining the objectivity of the reported and the subjectivity of the reporting in the understanding of the text. The diversity of the source material led to the use of the method of comparative analysis, which allows us to describe the phenomena under study from the point of view of the unity of the meaning-forming aspects.

The opinion is expressed about the formation of a certain "cognitive block" in this consciousness, which forces us to return again and again to the solution of the contradiction. At the moment of the formation of the "cognitive block", the cognitive movement towards the goal is interrupted since the goal itself loses stability and splits into infinite copies so that the continuation of the movement is possible only after overcoming the "cognitive block". It is concluded that the consciousness of the logocentric subject in the space of nonsense poetry of the 19th century is subjected to pronounced destabilization due to the emergence of a cognitive block in the latter. The essence of this phenomenon is that the logocentric subject is unable to suppress its own desire for disorder. At the same time, the logocentric subject is not able to overcome this desire completely, since this force of consciousness is no less essential than the opposing desire for order. The way out of this contradiction can be either the involvement of the disordering force in a continuous game, or the disordering of subjective consciousness and objective reality, as a result, the irrational environment can absorb conscious creativity.

The results of this work can be used in the framework of literary, cultural, and sociocognitive studies devoted to the study of culture and works of nonsense.

Keywords: cognitive-pragmatic program (KPP), subject-logocentric, nonsense-poetry, madness, consciousness, cognitive block.

Введение. Научная новизна работы обусловлена тем, что в современной науке до сих пор отсутствует когнитивно-ментальный подход к анализу произведений нонсенса. Обращение к решению проблем, связанных с необходимостью внести ясность в теоретический аспект изучения культуры нонсенса, и попытка предложить новые методы анализа произведений нонсенса определяют практическую значимость работы. Цель исследования — выявление специфики сознания субъекта-логоцентрика в пространстве нонсенс-поэзии XIX века. Для достижения цели необходимо решить ряд конкретных задач: 1) рассмотреть особенности литературного нонсенса; 2) определить общую направленность когнитивно-прагматической программы (КПП) представителей нонсенс-поэзии XIX века; 3) охарактеризовать специфику художественного преломления реальности в произведениях литературного нонсенса; 4) проанализировать процесс формирования когнитивного блока в сознании нонсенс-поэтов XIX века.

Методы исследования. Разнообразие исходного материала обуславливает применение герменевтической методологии, решающей проблему совмещения в понимании текста объективности сообщаемого и субъективности сообщающего, а также метода сопоставительного анализа, что позволяет описывать изучаемые явления с точки зрения единства смыслообразующих аспектов. Особенности когнитивного сознания логоцентрического типа подробно рассмотрены в монографии Д. Иванова «Теория синтетической языковой личности» [1]; особенности культуры нонсенса рассматривались в статье С. З. Иткулова «Феномен биннома фантазии в культуре нонсенса» [2].

Теоретическую базу исследования составляют: а) филологические и культурологические работы, посвящённые культуре нонсенса (И. Ермакова, Д. Коллоннезе); б) литературоведческие исследования творчества нонсенс-поэтов XIX века (О. Дашевская, З. Минц, В. Новиков); в) разработки в области когнитивной семиотики личности (Д. Иванов); авторские исследования культуры нонсенса (С. Иткулов).

Основная часть. Нонсенс-поэзия XIX века — явление сложное и малоизученное, в данной статье мы попытаемся осветить лишь

один из ее аспектов. Интерес представляет взгляд на нонсенс-поэзию XIX века через призму существования особой логоцентрической модели синтетической языковой личности, формирующейся на базе когнитивного взаимодействия двух типов субъектов: *субъекта-источника* и *субъекта-интерпретатора* [1, с. 159]. Особым типом исходного субъекта этой модели является логоцентрический субъект. Этот тип моделирования основан на совокупности базовых универсальных представлений о материальной и духовной природе мироустройства, глубоко укоренившихся в человеческом сознании. Основными типологическими особенностями когнитивного сознания субъекта-источника логоцентрического типа являются:

1) когнитивное сознание логоцентрика работает по принципам жесткой дуалистической модели (прежде всего, противопоставления Добра и Зла);

2) когнитивное сознание логоцентрика векторно по своей природе (от Сущестующего к Должному);

3) векторная природа логоцентрического когнитивного сознания приводит к абсолютизации принципа бинаризма, который в пространстве рассматриваемой когнитивной системы становится фундаментальной основой моделирования;

4) когнитивное сознание субъекта-источника логоцентрического типа динамично по своей природе. В этом контексте динамизм понимается прежде всего как сознательная, конститутивная и часто абсолютизированная познавательная потребность логоцентрического субъекта в духовном самообразовании, саморазвитии, «очищении» своей души [1, с. 164—170].

Особый интерес представляет сознание субъекта-логоцентрика в нонсенс-поэзии. Как отмечает З. Минц, нонсенс-поэзия «обесценивает, представляет “галиматьей”, всё то, что догматическое мышление стремится изобразить в виде бесспорных, абсолютных ценностей» [3, с. 393]. Суть нонсенса — в разрушении канона, в преодолении автоматизма мышления и поведения. Основной в нонсенсе является антитеза идеального мира как *имеющего смысл* (и одновременно гармонического, то есть *Должного*) и обыденного как *бессмысленного* (и одновременно хаотического, то есть *Сущего*). Отметим, что обретение (достижение) *Должного* должно быть реализовано именно в пространстве *Сущего* (в реальности). Как отмечает

Д. Коллоннезе, «в любом “нонсенсном” произведении пишется о нереальных вещах и нереальных явлениях, но они всегда связаны с нормальной реальностью: они отталкиваются от неё и её же подчёркивают» [4, с. 260]. Поэтому само понятие «нонсенс» является условным, это не отсутствие смысла, а наличие нового смысла: «Нонсенс не просто отрицает смысл, шаржируя его нелепости и нестыковки, но открывает новую, более глубокую гармонию жизни через её противоречия» [5]. Таким образом, нонсенс, *отрицая* реальный мир и *утверждая* собственный мир, *возрождает* первоизданный мир [6, с. 17]. Утверждение этого принципа приводит к формированию когнитивно-прагматической программы (КПП). В основе данной программы лежат когнитивные интенции личности, направленные на поиск, освоение и переработку уже сформированных в пространстве культуры и получивших статус «идеальных», универсальных КПП. Следует отметить, что сознание логоцентрика цель, которую он выбрал на первых этапах моделирования КПП, воспринимает ее как нечто нерушимое, незыблемое. Абсолютизация принципа когнитивного целеполагания является своеобразным вектором, направление которого определяет специфику моделирования КПП. Однако довольно часто в процессе построения контрольной точки (в динамике развития когнитивного сознания исходного субъекта) логоцентрик «вдруг» начинает осознавать, что система целеполагающих когнитивно-прагматических установок-идеологем не так устойчива, как казалось вначале. Иными словами, выбранная логоцентриком цель может быть дестабилизирована на любом этапе моделирования КПП и превратиться в многочисленные «умозрительные копии» истинной цели. В сознании логоцентрика формируется некий «когнитивный блок», заставляющий снова и снова возвращаться к разрешению противоречия. В момент формирования «когнитивного блока» когнитивное движение к цели прерывается, так как сама цель теряет устойчивость и распадается на бесконечные копии. Продолжение движения возможно только после преодоления «когнитивного блока». Ситуация дестабилизации целевых когнитивно-прагматических установок и возникновения «когнитивного блока» ярко проявилась в нонсенс-поэзии XIX века. Дело в том, что на определенном этапе развития когнитивного сознания исходного субъекта и его КПП логоцентрик, учитывая качественные особенности выбранной цели,

при помощи когнитивного анализа определяет и представляет систему наиболее эффективных (по его мнению) методов, приемов и специальных «когнитивных средств» и способов достижения поставленной перед собой цели. У нонсенс-поэтов XIX века такой системой является категория безумия. Вот какие мысли высказывает В. Новиков, размышляя о нонсенсе Козьмы Прутковка: «Бывают такие психологические опыты: пишут ряд слов (например, птица, фрукт, поэт), а испытуемые подбирают к ним пары. И что же чаще всего получается? Все мы, как один, начинаем отвечать: птица — курица, фрукт — яблоко, поэт — Пушкин. Вроде бы это естественная реакция, но её стереотипность производит впечатление не общечеловеческой нормы, а какого-то массового безумия. Вот с таким-то безумием и боролись “прутковцы”. Будучи молодыми людьми, они всё же успели насмотреться всякого рода шаблонов: ритуала светской жизни, военной дисциплины, служебной казённости. Действовали они по принципу “клин клином вышибают”: безумию стандарта они противопоставляли безумие хаоса» [7, с. 213]. Аналогичные мысли высказывает О. Дашевская о нонсенсе Э. Лира: «Чудачество у него — общественная позиция, эксцентриада — форма защиты от общества» [8]. Заметим, однако, что безумие в творчестве данных авторов проявляется по-разному. Например, ознакомившись с лимериками Лира, читатель может заметить, что герои этого автора отвергают все правила поведения и законы здравомыслящего общества. Лимерики Лира были протестом против нравоучительных произведений, наводнивших английскую детскую литературу первой половины XIX века. Поясним это на конкретных примерах. Для Англии середины XIX века была характерна строгая регламентация в отношении еды, питья, внешности, поведения. Лир всю эту регламентацию или спутывает, или попросту отбрасывает. Вот, например, один из лимериков Лира, посвящённый еде:

*There was an Old Person of Chili,
Whose conduct was painful and silly:
He sat on the chairs, /
Eating apples and pears,
That imprudent Old Person of Chili [9] —*
Странноватого старца из Чили
В поведенье дурном уличили;
На ступенях сидел он,

Груши-яблоки ел он,
Необузданный старец из Чили
(пер. Б. Архипцева).

Показателен эпитет *imprudent* — необузданный. Поведение старика Лир осмысливает как вызов обществу. А вот лимерик, посвящённый внешности героя. Здесь тоже спутаны общепринятые нормы:

*There was an Old Man on a hill,
Who seldom, it ever, stood still:
He run up and down
In his grandmother's gown,
Which adorned that Old Man on a hill [9]. —*
Старичок, что на холмике жил,
Неподвижно стоять не любил;
Бегал он вверх и вниз
В платье, сшитом из лис,
Что у бабушки он одолжил
(перевод мой. — С. И.).

Герои Лира живут на верхушках деревьев, танцуют с птицами, плывут по морю верхом на гусе, пляшут кадрили с воронами, едят тарелки, краски, кашу, заправленную мышами, — словом, ведут себя как истинные безумцы. Но такими же безумцами являются и те, кто имеет определённый костюм на определённое время дня, ест определённую еду в определённое время и носит определённые усы и бакенбарды. Принцип бинаризма реализуется здесь в традиционном романтическом конфликте героя (Добро) и общества (Зло). Поэтому так часто в лимериках фигурируют второстепенные персонажи, которых автор неизменно обозначает неопределённо-личным местоимением «they» (они). Это мрачные, враждебные люди, которые нападают на чудаков, издеваются над ними, изгоняют их из общества. Как отмечает О. Хаксли: «“Они” — это все на свете, это то, что в передовицах дешёвой прессы назвали бы: “Все здравомыслящие мужчины и женщины”; “Они” — это Общественное мнение. И в большинстве своём лимерики — не что иное, как эпизоды, извлечённые из истории вечной борьбы между гением и эксцентриком и его ближними» [10, с. 340].

Таким образом, в произведениях Лира мы наблюдаем безумного героя в здравомыслящем обществе, которое на самом деле не ме-

нее безумно, так что этот герой выступает как единственный мудрец. Когнитивным блоком в данном случае становится невозможность преодоления конфликта между героем и обществом — это противостояние, по сути, становится вечным, тем самым приближаясь к абсурду. Нужно отметить еще один важный аспект нонсенс-поэзии Лира. Его произведения построены по принципу игры и во многом ориентированы на ребёнка. Одной из важных составляющих нонсенс-поэзии является умение смотреть на мир свежим, незамутнённым взглядом — взглядом ребёнка. Ориентация на детство делает игру одним из самых важных элементов нонсенса, а порой даже само это явление превращает в игру. Иначе говоря, безумие у Лира является условным, это тоже своего рода элемент игры. Игра в данном случае является и своего рода организующим элементом, так как требует определённых правил. И безумцы Лира действуют по определённым правилам игры. Отличие безумцев Лира от романтических героев в том, что поступки безумцев не являются исключительными. Танцы, еда, внешний вид — всё это эксцентрично, нелепо, но вполне логично. Герои Лира делают то же, что и обычные люди, однако «форма» этих действий является непривычной. Итак, можно сделать вывод, что безумие в произведениях Лира является одной из форм игры, это безумие «формы», причем эта игра может продолжаться бесконечно.

Иной характер носит безумие в произведениях Козьмы Пруткина. О. Дашевская отмечает: «Поэтика нонсенса в произведениях русских философов-художников существенно трансформируется. Это литература не для детей и не для того, чтобы взрослые почувствовали себя детьми» [8]. Русская нонсенс-поэзия направлена на состояние мира в целом, это общество, где все безумны изначально. Здесь нет противопоставления героя и общества. В. Новиков отмечает: «Тема мира беспорядочного, кромешного, “антимира” появляется в первых же его баснях. Эти басни вызывающе нелепы, хотя они ни в кого не метят, не пародируют никого из баснописцев. Суть их — в разрушении канона» [11, с.199]. Поэтому в нонсенс-поэзии Козьмы Пруткина нет бинаризма «Добро — Зло», так как автор и сам не в состоянии определить основополагающие принципы данных категорий. В баснях Козьмы Пруткина принцип бинаризма проявляется в так называемом биноме фантазии. Суть биннома фантазии состоит в том, что берутся два несопоставимых понятия и при-

думывается история. Причем слова, обозначающие эти понятия, выводятся из традиционного семантического ряда. Попав в непривычный контекст, каждое из этих слов получает особую притягательность [2, с. 120]. В прутковских баснях помещик беседует с цаплей и завидует ей, кондуктор убивает тарантула за неуплату, становой желает стать горлицей, помещик хватается за пятки, так как у него болит затылок. Мораль в каждой басне никак не мотивирована сюжетом. Особого внимания заслуживает басня «Звезда и брюхо». В этой басне брюхо ворчит на хозяина, который постится и не ест до первой звезды. На небе появляется звезда, однако она падает в болото. Поскольку другой звезды на небе не оказалось, брюхо осталось голодным. Здесь использован характерный для нонсенса приём «разъединения неразрывного» (особенно ярко этот приём проявился у Н. Гоголя в повести «Нос» и Л. Кэрролла в повести «Алиса в Стране чудес», где героиня собирает посылать подарки ногам). Здесь мы наблюдаем то же самое: брюхо как бы отделено от хозяина и живёт самостоятельной жизнью. Однако смысл не сводится только к этой весёлой нелепости, и соль басни не в этом. Вот что говорится в морали басни:

*Начальство, день и ночь пекущеесь о нас,
Коли сумеешь ты прийтись ему по нраву,
Тебя, конечно, в добрый час
Представит к ордену святого Станислава.
Из смертных не один уж в жизни испытал,
Как награждают нрав почтительный и скромный.
Тогда, — в день постный, в день скоромный,
— Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом,
И с сытым брюхом!
Ибо кто ж запретит тебе всегда, везде
Быть при звезде? [12, с. 85]*

Можно заметить, что шуточный тон морали (быть при орденской звезде, чтобы не поститься) является всего лишь ширмой для серьёзных философских размышлений: желание во что бы то ни стало получить чин — не безумие ли это? Однако безумным становится не просто желание чина, но и желание его греховной бессмысленности. Басни Козьмы Пруткова показывают безумие окружающего мира, где жизнь подчинена хотя и строгим, но нелепым

законам. Создатели Козьмы Пруткова стремятся увести читателя от привычных ассоциаций для того, чтобы последний мог преодолеть автоматизм мышления и поведения. Таким образом, поэтический мир прутковских басен — это не конфликт чудаковатого старика и враждебного общества. Мир в этих произведениях находится в конфликте с самим собой, и это определяет когнитивный блок прутковской нонсенс-поэзии. Если в лимериках Лира безумной является «форма» поведения, то в баснях Козьмы Пруткова форма является как раз осмысленной — басня является самым строгим и стройным жанром, предполагающим логическое развитие сюжета и однозначный вывод. Все эти установки у Пруткова начисто отброшены. Безумие здесь проявляется именно на уровне содержания. Авторы подводят к мысли: либо все люди без исключения безумны, либо безумна окружающая их реальность и странная реакция на неё всех людей, в сущности, адекватна. Следует, однако, заметить, что для нонсенса характерно не столько безумие, сколько «иноумие», то есть управляемое безумие. Нонсенс — не отсутствие смысла, а смысл, находящийся за пределами обычного смысла, так сказать, «внесмысл». Таким образом, чтобы прийти к открытию новых смыслов, нужно управляемое — «временное» — безумие, которое позволяет автору после «игры» вернуться к окружающей действительности. Однако дело в том, что последствия безумия могут быть самыми негативными. Сумасшествие порождает либо смерть, либо тотальное одиночество, либо абсолютное сумасшествие: «У Грибоедова в комедии “Горе от ума” Чацкий воплощает заключительный компонент следующим образом: сумасшествие — романтик — тотальное одиночество. У Достоевского в романе “Идиот” князь Мышкин воплотил другой вариант формулы: сумасшествие — другой, не такой, как все — абсолютное сумасшествие. У Гоголя в “Записках сумасшедшего” герой подвергается невыносимым пыткам и “примеряет” на себя третий вариант формулы: сумасшедший — другой, не такой, как все — мучение, приближение к гибели» [13, с. 133]. У рассматриваемых нами авторов мы находим данные виды сумасшествия. У Лира герой обречён на тотальное одиночество: герой не понят окружающими и изгнан (эта тема будет развита автором в балладах «Йонги-Бонги-Бой», «Донг с фонарём на носу», «Дядя Арли»). У Пруткова мы наблюдаем абсолютное сумасшествие, где все «другие». Приближение к гибели у авторов не прослеживается (хотя ге-

рой баллады «Дядя Арли» погибает в финале). Однако произведения авторов наводят на мысль, что герои мертвы духовно: у Лира — это люди, названные местоимением «они», у Пруткова — это многочисленные басенные герои, ведущие праздную, бессмысленную, ничем не наполненную жизнь.

Результаты исследования. Сознание субъекта-логоцентрика в пространстве нонсенс-поэзии XIX века подвергается ярко выраженной дестабилизации в силу возникновения в последнем когнитивного блока. Суть данного явления состоит в том, что субъект-логоцентрик не в состоянии подавить собственное стремление к неупорядоченности. В то же время логоцентрический субъект не в состоянии полностью преодолеть это стремление, поскольку эта сила сознания не менее существенна, чем противоположное ей стремление к упорядоченности. На примере произведений Э. Лира можно увидеть, что субъект-логоцентрик вовлекает силу, создающую беспорядок, в непрерывную игру, которая не имеет конца. В произведениях Козьмы Пруткова наблюдается иной случай разупорядоченности — разупорядоченность субъективного сознания и объективной реальности. Однако преобразование мира посредством погружения его в тотальный хаос оказывается несостоятельным, поскольку последствия могут быть самыми негативными — иррациональная среда, обладающая своими законами и правилами, может поглотить сознательное творчество.

Заключение. В пространстве когнитивного сознания субъекта-логоцентрика происходит утрата и распад когнитивного центра, когда в сознании логоцентрического возникает «когнитивный блок», где сама цель теряет устойчивость и распадается на бесконечные копии. Результатом деструктивного процесса нейтрализации «когнитивного блока» является глубокая депрессия и глубокий духовный кризис.

Библиографический список

1. Иванов Д. И. Теория синтетической языковой личности : в 2 т. Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). Иваново: ПресСто, 2016. 360 с.
2. Иткулов С. З. Феномен бинама фантазии в культуре нонсенса // Аграрный вестник Верхневолжья. 2016. № 4. С. 119—122.

3. Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство, 2000. 784 с.
4. Коллоннезе Д. Нонсенс как форма комизма // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Российская акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 254—262.
5. Ермакова И. Лимерик: Кругосвет. URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/literatura/limerik> (дата обращения: 07.03.2021).
6. Иткулов С. З. Нонсенс и гротеск как формы смысла в художественной картине мира Н. В. Гоголя : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Шуя, 2009. 165 с.
7. Новиков В. И. Книга о пародии. М.: Сов. писатель, 1989. 540 с.
8. Дашевская О. А. Поэтика нонсенса в философском дискурсе: шуточные произведения В. Соловьёва и «Новейший Плутарх» Д. Андреева. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-nonsensa-v-filosofskom-diskurse-shutochnye-proizvedeniya-v-solovieva-i-noveyshiy-plutarh-d-andreeva/viewer> (дата обращения: 07.03.2021).
9. Лир Э. Чистый nonsense. URL: https://mir-knig.com/read_249568-1 (дата обращения: 07.03.2021).
10. Хаксли О. Эдвард Лир // Писатели Англии о литературе XIX—XX веков. М.: Прогресс, 1981. С. 339—341.
11. Новиков В. И. Кто такой Козьма Прутков? // Октябрь. 1984. № 3. С. 196—201.
12. Прутков К. Сочинения Козьмы Пруткова. М.: Эксмо, 2005. 352 с.
13. Иванов Д. И. Поэзия Башлачёва: синтез классики андеграунда и элементов постмодернизма // Потаённая литература : исследования и материалы. М.: Флинта, 2006. Вып. 5. С. 131—139.

References

1. Ivanov D. I. *Teoriya sinteticheskoy yazykovoy lichnosti : v 2 t. T. 1. Logocentricheskaya model' sinteticheskoy yazykovoy lichnosti: struktura i obshchie voprosy (na materiale russkoj rok-kul'tury)* [Theory of synthetic language personality: In 2 vols. Vol. 1. Logocentric model of synthetic language personality: structure and general issues (based on the material of Russian rock culture)]. Ivanovo: PresSto Publ., 2016. 360 p. (In Russ.)
2. Itkulov S. Z. The phenomenon of the binomial fantasy in the culture of nonsense. *Agrarnyj vestnik Verhnevolzh'ya* [Agricultural Bulletin of the upper Volga region], 2016, no 4, p. 119—122 (In Russ.)
3. Minc Z. G. *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian Writers]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2000. 784 p. (In Russ.)
4. Kollonneze D. Nonsense as a form of comedy. *Logicheskij analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma. Rossijskaya akad. nauk, In-t yazykoznanija ; otv. red. N. D. Arutyunova* [Logical analysis of the language. Language mechanisms

of comedy, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics; ed. by N. D. Arutyunova]. Moscow: Indrik Publ., 2007, pp. 254—262. (In Russ.)

5. Ermakova I. *Limerik: Krugosvet* [Limerick: Round the World]. Available at: <https://www.krugosvet.ru/enc/literatura/limerik> (accessed: 07.03.2021)

6. Itkulov S. Z. *Nonsens i grotesk kak formy smysla v hudozhestvennoj kartine mira N. V. Gogolya: dissertaciya ... kandidata kul'turologii: 24.00.01* [Nonsense and grotesque as forms of meaning in the artistic picture of the world by N. V. Gogol: dissertation for the degree of Candidate of Cultural Studies: 24.00.01]. Shuya, 2009. 165 p. (In Russ.)

7. Novikov V. I. *Kniga o parodii* [A book about parody]. Moscow: Sov. Pisatel Publ., 1989. 540 p. (In Russ.)

8. Dashevskaya O. A. *Poetika nonsensa v filosofskom diskurse: shutochnye proizvedeniya V. Solov'yova i "Novejshij Plutarh" D. Andreeva* [The Poetics of Nonsense in Philosophical Discourse: the Comic Works of V. Solovyov and "The Newest Plutarch" by D. Andreev]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-nonsensa-v-filosofskom-diskurse-shutochnye-proizvedeniya-v-solovieva-i-noveyshiy-plutarh-d-andreeva/viewer> (accessed: 07.03.2021) (In Russ.)

9. Lir E. *Chistyj nonsense* [Pure nonsense]. Available at: https://mir-knig.com/read_249568-1 (accessed: 07.03.2021) (In Russ.)

10. Haksli O. Edward Lear. *Pisateli Anglii o literature XIX-XX veka* [Writers of England about the literature of the XIX—XX century]. Moscow: Progress, 1981, pp. 339—341. (In Russ.)

11. Novikov V. I. Who is Kozma Prutkov. *Oktyabr*, 1984, no 3, pp. 196—201. (In Russ.)

12. Prutkov K. *Sochineniya Koz'my Prutkova* [Writings of Kozma Prutkov]. Moscow: Eksmo Publ., 2005. 352 p. (In Russ.)

13. Ivanov D. I. Bashlachev's poetry: synthesis of underground classics and elements of postmodernism. *Potayonnaya literatura: issledovaniya i materialy. Vyp. 5* [Hidden literature: research and materials. Issue. 5]. Moscow: Flinta Publ., 2006, pp. 131—139. (In Russ.)